

Algorithms, Artificial Intelligence and Beyond Theorising Society and Culture of the 21st Century / Ed. By D. Brzeziński, K. Filipek, K. Piwovar, M. Winiarska-Brodowska. Routledge, 2024.

В сборнике представлены работы ученых из многих стран мира, освещающих различные области знаний с целью изучения социальных, культурных, политических и экономических последствий развития новых технологий. С одной стороны, в книге обсуждаются алгоритмы и искусственный интеллект (ИИ) в более широком контексте цифровой революции, с другой стороны, в ней также рассматриваются индивидуальный опыт и практики. Более того, при учете скорости, с которой алгоритмы и ИИ внедряются в различные аспекты жизни, авторы задаются вопросом об этических последствиях их разработки, поскольку это внедрение оказывает огромное влияние на социальную и культурную жизнь XXI в. В этом контексте приводятся захватывающие примеры применения алгоритмов и ИИ в бизнесе и массовой культуре и рассматриваются возникающие проблемы, связанные с развитием технологий искусственного интеллекта.

Сборник состоит из четырех частей. В части 1, посвященной алгоритмической революции — новым теоретическим основам, Р. Сейферт пишет о теории алгоритмической социальности (TaS), а К. Филипек — о том, как практически происходит теоретизирование искусственного интеллекта. В части II «Алгоритмы, искусственный интеллект и теории современности» помещены статьи Э. Эллиотта «Образы алгоритмической современности: Свобода действий и автономия в эпоху прогнозирующей аналитики», К. О'Хары «Пещера Цукерберга: Разумность и дисциплина в цифровой современности». Часть III «Теория, культура и общество в условиях алгоритмизации» представлена работами Д. Бжезинского «Алгоритмическая ностальгия: тоска по прошлому в век искусственного интеллекта», М. Винярска-Бродовской и К. Фехер «Социокультурный искусственный интеллект (SCAI) и журналистика: Трансдисциплинарная перспектива в исследованиях медиа и коммуникации», М. Филичака и К. Пивовара «Рассказываем истории об ИИ: избранные стратегии». В части IV, посвященной «теоретизированию власти и политики, основанной на ИИ», Н. Шартье-Эдвардс, Э. Гренье и Дж. Роберже размышляют о том, что «Если (world2vec), то политика vec2: о машинном обучении и эффективности рекурсивной власти», Чж. Лю — о «Генеративном ИИ, больших технологиях и значении политэкономического анализа для социологии искусственного интеллекта», Б. Хэ и Цз. Ву — о «Четырех моделях алгоритмической бюрократии в Китае». Часть V «Критическая теория искусственного интеллекта» представлена статьями К. Лутца «Социальное неравенство и искусственный интеллект: как изучение цифрового неравенства улучшает наше понимание» и А.М. Гурска и Д. Джемельняка «Расовые предубеждения в отношении искусственного интеллекта: как генераторы искусственного интеллекта, преобразующие текст в изображение, создают престижные профессии».

Intelligent Networks. Techniques, and Applications / ed. by Vivek Kumar Singh, Anil Kumar Sagar, Parma Nand, Rani Astya, Omprakash Kaiwartya. Routledge. 2024.

В книге представлены последние разработки в области интеллектуальных сетей: связи, основанные на применении различных областей искусственного интеллекта и машинного обучения, включая моделирование каналов, структуру на основе моделей, прогнозирование каналов и обнаружение сигналов. В ней также рассматриваются такие важные темы, как моделирование мобильности транспортных средств, сетевые приложения, ориентированные на человека, безопасность и конфиденциальность в социальных сетях, а также интеллектуальные транспортные системы, основанные на доверии.

Предложен основанный на моделях подход к построению эффективной сети с использованием современных технологий искусственного интеллекта. Обсуждаются теоретические и практические применения предсказания канала и обнаружения сигнала. Исследуются технологии беспроводных сетей связи, реализуемые с помощью приложений, ориентированных на человека, разработанных с учетом характеристик искусственного интеллекта. Освещаются проблемы, связанные с проектированием и разработкой эффективной и интеллектуальной коммуникационной сети, которая может быть применена в различных областях человеческой деятельности для поиска устойчивых решений. Книга предназначена в первую очередь для студентов старших курсов, аспирантов и исследователей в области электротехники, электроники и средств связи, вычислительной техники и информационных технологий.

В книге 20 глав, посвященных основам искусственного интеллекта и коммуникационных сетей: их применению в социальной деятельности человека, математическому моделированию, влиянию искусственного интеллекта на оптимизацию энергопотребления базовых станций сотовой сети, семантическому анализу беспроводных датчиков, открытию интеллектуальных сетей для обеспечения конфиденциальности, безопасности и устойчивости пациентов, энергоэффективной схеме сбора данных для беспроводных сенсорных сетей на базе мобильных приемников, архитектуре устойчивых коммуникационных сетей в сельском хозяйстве, модернизации здравоохранения с помощью систем электронного здравоохранения и др.

Книга предназначена в первую очередь для студентов старших курсов, аспирантов и исследователей в области электротехники, электроники и средств связи, вычислительной техники и информационных технологий.

Гефтер Михаил. Между гибелью и эволюцией / сост. М.Я. Рожанский. — М.: Фонд «Связь эпох», 2024. — 504 с. с ил.

Михаил Яковлевич Гефтер (1918–1995) — историк и философ, руководитель сектора методологии истории в Институте истории АН СССР, затем в Институте всеобщей истории АН СССР, диссидент, впоследствии побывавший даже членом консультационно-аналитического совета при президенте СССР, откуда вышел в 1993 г. в знак несогласия с расстрелом Белого дома.

Публикаций книг, сборников, журнальных статей М.Я. Гефтера всегда мало, выходы новых книг — праздник, тем более книг, подобных той, что составил М.Я. Рожанский и над которой работали В.Гефтер и Г.Козлова. Как пишет составитель, «выбор текстов и структура этого сборника отвечают нескольким критериям. Основные — современность и диалогичность. В книгу включены тексты, написанные или услышанные (и записанные) в восьмидесятых-девяностых годах, но актуальные не менее, чем тогда, когда они впервые публиковались. А что касается диалогичности, то неслучайно основные жанры в сборнике — интервью, записи бесед и эссе» (с. 10).

Книга состоит из трех разделов с известными по прежним публикациям темами, но до сих пор *непроработанными и непрорабатываемыми*, хотя они стержень современных проблем: «Мир, которого может не быть?», «Неостановленная революция», «История позади?». В отношении даже самих названий разделов и подразделов интересно сопоставление самого понятия «мир» с книгами Р. Декарта или В.В. Бибихина, что вполне соответствует размышлениям Гефтера о «вчера или также завтра». Даны подробные примечания, полно представлены опубликованные труды, литература о Гефтере, хотя о нем было написано и в большой статье С.С. Неретиной «Инакомыслящие», опубликованной в сборнике «Философские поколения» (М., 2022), и в ее же работе «Есть ли будущее у прошлого, а прошлое у будущего?» (Идеи и идеалы. 2023. Т. 15. № 3), где наряду с манифестами К. Маркса и Б. Латура представлен манифест Гефтера. Визуальный ряд, фотографии, страница с ясным и твердым почерком Гефтера действительно дают представление о его жизненном пути и характере. Но главное, что сопровождает многие публикации, — то, что сказал Гефтер философу и историку М.Я. Рожанскому, — это нравственная оценка себя во многих своих действиях. Он назвал это «стыд несовершенного поступка» (с. 381). Этот нравственный суд сопровождает самые научные и философские статьи Гефтера: недоделанное, нескáзанное, непродуманное тяготит жизнь.

Составитель решил называть Гефтера не историком, не философом — мыслителем, считая, что «историк» и «философ» — «две формально разделенных ипостаси», а «мыслитель» — «единое точное определение» (10). Но разве нельзя назвать мыслителем филолога С.С. Аверинцева или физика Б.В. Раушенбаха? «Историк» и «философ», да еще «публицист» описывают ареал деятельности Гефтера, в которой можно заметить один очень любопытный феномен. В интереснейших беседах Гефтера с Рожанским (составителем), перебитых письмом Гефтера Вероник Гаррос, представлен психологический портрет и в целом поколения 1960-х, и созданного им сектора методологии истории, где он отдает должное и сектору, и тому, что сделал сектор именно для него лично, он ни словом не обмолвился о философах, работавших вместе с ним, которых он же пригласил работать, тем самым создав неоценимый прецедент междисциплинарности. Философах не последнего десятка, среди которых В.С. Библер, создатель философии диалога. Упомянут только Б.Ф. Поршнев, в секторе фигуры неприметной. И это при том, что Гефтер провозгласил диалог в том самом письме Вероник Гаррос основанием для понимания (с. 366). Между тем именно понимание и диалог могли бы составить предмет для диалога с Библером и его группой Диалога культур, которая действовала внутри сектора методологии истории.

Это, конечно, тема для анализа самой гефтеровой речи, которая требовала слушателя, но не собеседника. Одно это — уже великая тема! Книга, подоспевшая к концу високосного во всех отношениях года с названием «между», да еще и «гибелью» (вызывает ли это правда

«неизъяснимы наслажденья?»), может, однако, стать залогом «бессмертья» ее автора. Уж очень точны и насущны его мысли.

Блюхер Федор. Россия и мы: особенности цивилизационного развития. — М.: Голос, 2024. — 316 с.

Книга посвящена философскому анализу социально-экономического развития России с XVII по XXI в. В работе анализируется ряд понятий социологии и политологии, таких как семья, нация, государство, цивилизация. Для объяснения логики длительных исторических процессов автор вводит понятия хозяйственный, технологический и символический капитал, которые помогают ему объяснить особенности цивилизационного развития России. На материале российской истории показана специфика капиталистического развития при установлении в России имперской формы правления.

Выявлены экономические проблемы Российской империи, которые в течение XIX в. постепенно ухудшали ее финансовое положение, что привело к социальной революции в 1917 г. В последней главе осмысливаются идеологические процессы, сопровождавшие развитие СССР и России в XX в. Автор придерживается марксистского подхода при объяснении социально-экономических процессов. Книга предназначена для читателей, интересующихся философией и историей России. Она состоит из Введения, пяти глав («Почему мы не можем учиться у истории?», «Философия. Кто мы?», «История. Есть ли у России цель?», «Философия истории. Исторические циклы», «Идеология. Народ» и раздела «Вместо заключения», где повторяется вопрос о том, кто же мы.

Собственно, три главных вопроса стоят в книге: это кто такие «мы», «что такое Россия?» и «является ли Россия отдельной цивилизацией?». Авторская позиция состоит в том, что «ни в вопросе о России, ни в вопросе о цивилизациях у нас нет общепризнанного метода, позволяющего достичь того же уровня точности, который вносит в историческую антропологию метод секвенирования генома. Поэтому оба вопроса не являются исключительно научными. Вокруг обоих ведутся ожесточенные идеологические и философские дискуссии. Очевидно, что ряд достойных людей считали, что они должны «служить России». Понять их — означает понять, как они создали то пространство, которое называется Россия, и как история России сформировала нас. Это были разные люди, и их разнообразие невозможно было свести к одному знаменателю. Значит, каким-то образом наличие России, свое соотнесение с Россией становилось для них необходимым условием того общего дела, которое конституировало их жизнь.

В конце книги, отвечая на изначально заданный вопрос, кто мы, автор формулирует свою позицию так: ответ на этот вопрос зависит от того, с каким социальным институтом отождествляет себя человек. «Местоимение “мы”, по отношению к народу, может быть использовано в сопряжении со словами: «православные», «царские подданные» или «москвиты», но это скорее определение стороннего, не относящегося к русским, наблюдателя. В обыденном языке «мы» — семейная форма, которая тем или иным образом заменяет фамилию. При этом мы помним, что большинство знатных фамилий Московии, Литвы и Польши возникло в XV–XVI веках, что не свидетельствует о тысячелетней истории не только нашего отечества, но и сопредельных территорий. Более того, мы склонны

считать, что и местоимение «я» не обязательно в употреблении на уровне семейной формы; так в Риме долгое время обходились порядковым числительным, прибавляемым к фамилии» (с. 309).

Что касается ответов на два других вопроса, то автор книги ограничивается констатацией, что «после крушения СССР в течение 30 лет нам твердили, что русские не доросли до гражданской нации, что лишало народ, в рамках либеральной идеологии, субъектности». Современные события внесли существенные коррективы в решение этого вопроса, из которого, однако, проистекает новая нерешенность: «сможем ли мы при этом создать новый вариант европейской цивилизации, сочетающий квазирелигиозные права человека и личное дворянское достоинство каждого, зависит только от нас» (с. 315).